

И. Ф. Анненский

Письма к М. А. Волошину

Публикация А. В. Лаврова и В. П. Купченко

Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома, 1976

Л., "Наука", 1978

[OCR Бычков М. Н.](#)

Знакомство Иннокентия Федоровича Анненского с Максимилианом Александровичем Волошиным (1877--1932) состоялось в первых числах марта 1909 г. Сын поэта В. И. Анненский-Кривич вспоминал о первом визите Волошина и С. К. Маковского, будущего редактора журнала "Аполлон", 4 марта в Царское Село: "И Маковский, и приехавший вместе с ним Макс. Волошин имели до того времени об И. Ф. Анненском довольно поверхностное представление, и поэтому, конечно, встреча с *таким* Иннок. Анненским явилась для них полным сюрпризом. А отец, как нарочно, в этот вечер был необыкновенно интересен и блестящ. Он так и рассыпал драгоценные блестяшки и самоцветные камни своего ума, исключительной эрудиции и высокого остроумия. Оба писателя были буквально ошеломлены тем, что они встретили в этом "переводчике Еврипида", -- да несколько и не скрывали того огромного впечатления, кот<орое> он на них произвел. Помню я те откровенно-восхищенные взгляды, кот<орыми> они беспрестанно обменивались".¹

В свою очередь и Анненского -- по его признанию, "слишком удрученного прошлым" (см. письмо 1), -- не могло не обогатить знакомство с Волошиным -- поэтом широкой эрудиции, глубоко искренним, взыскательно относящимся к слову, бывшим к тому же и обаятельным собеседником. С Анненским его особенно сближали любовь к античной культуре и живой интерес к творчеству новейших французских поэтов, которых они оба увлеченно переводили и наследниками которых в деле обновления поэтического слова себя считали.

Тогда же, 4 марта, Анненский подарил Волошину, в ознаменование знакомства, отдельный оттиск своей статьи "Античный миф в современной французской поэзии". "Имена мне милые, слова мне дорогие и идеи мне близкие, потому что я в свое время *"пошел к французам в школу"*, -- писал на следующий день Волошин Анненскому. -- Мне радостно, что теперь, после десятилетия в Париже, возвращаясь окончательно в Россию, я встретил Вас, потому что увидел в Вас (а это так редко!) человека, с которым можно не только говорить, а у которого можно учиться".² В следующем письме к Анненскому Волошин говорит, что он открылся ему как цельная, многогранная индивидуальность, неожиданно объединившая в себе несколько ранее знакомых его ликов: "Вы существовали для меня до самого последнего времени не как один, а как много писателей. Я знал переводчика Эврипида, но вовсе не соединял его с тем, кто писал о ритмах Бальмонта и Брюсова <...> И, конечно, этого И. Ф. Ан<ненского> я не мог соединить с И. Анненским, "молодым" поэтом, которого Гриф со "строгим выбором" печатал в "Перевале".

И только теперь <...> все эти отрывочные впечатления начали соединяться, и, наконец, три дня тому назад они слились окончательно в конкретную личность и в цельный характер, к которому я не мог не почувствовать глубочайшего уважения и удивления".³ Волошин просил Анненского дать на время все его книги, чтобы еще отчетливее представить себе его писательский облик.

В первые дни знакомства Анненский подарил Волошину свою книгу "Тихие песни" (СПб., 1904), выпущенную под псевдонимом "Ник. Т--о", с надписью: "Максимилиану Александровичу Волошину на память "Аполлоновских" дней разоблаченный Ник. Т--о. 10 III 1909. И. Анненский".⁴ В середине апреля 1909 г. вышла в свет "Вторая книга отражений" Анненского, экземпляр которой был отправлен Волошину в Коктебель с надписью: "Максимилиану Александровичу Волошину в воспоминание и в залог часов лучшего художественного настроения. И. Анненский. 5 V 1909. Ц<арское> С<ело>. Захаржевская, д<ом> Панпушко".⁵ Волошин откликнулся на это благодарственным письмом, в котором по достоинству оценил оригинальность критических очерков Анненского, кажушихся по резкой обнаженности и прозорливости писательского взгляда "сжатым клубком мучений": "Она верная и справедливая, Ваша книга. И ее жестокость -- не жестокость приговора, но жестокость судебного отчета о процессе. Но зато какая утонченная гибкость образов <...> Я думаю, что никто так не понимал Достоевского, как Вы <...> Ваша книга почти не книга, настолько в ней трепетность письма или дневника. Вы осуществляете слова Р. де Гурмона о том, что критика -- самый интимный род исповеди. Но Вы еще заставляете исповедоваться и